

УДК 390.4

ОБНАЖЕННЫЕ ПРАВЕДНИКИ: ОТКРЫТОЕ ТЕЛО В АСКЕТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИКАХ

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности присутствия и функционирования наготы в аскетических и религиозных практиках тех народов, для которых открытое тело и поведение в конфессиональной сфере являлись взаимодополняющими элементами духовной жизни. Выявлено, что обнажение с глубокой древности стало знаком-символом аскетизма, отречения от мира, покорности воле сверхъестественных сил. В религиозном контексте обнажение нередко рассматривается как символ чистоты и отказа от всего мирского. В христианстве некоторые святые (например, Мария Египетская) постоянно изображаются нагими, что расценивается как знак покаяния и отречения. В буддизме и джайнизме нагота может символизировать отсутствие привязанностей. В обнаженности заключено огромное количество культурно обусловленных смыслов, перечислить которые исчерпывающим образом крайне сложно: красота, грех, уязвимость, сексуальность, протест, невинность, естественность, болезнь и многое другое. Значение обнаженного тела кардинально меняется в зависимости от социального контекста, в котором оно предстает перед зрителем. Открытое тело способно стать знаком политическогозыва, борьбы против цензуры, угнетения, использоваться как шоковая практика для привлечения внимания к проблеме.

Ключевые слова: нагота, телесность, религия, Церковь, верующие, аскетизм, гендер, юродивые, молитва.

THE NAKED RIGHTEOUS: THE OPEN BODY IN ASCETIC AND RELIGIOUS PRACTICES

Pulkin M.V.

The article examines the main patterns of the presence and functioning of nudity in the ascetic and religious practices of those peoples for whom the open body

and behaviour in the confessional sphere were complementary elements of spiritual life. It has been revealed that since ancient times, nudity has become a sign-symbol of asceticism, renunciation of the world, and submission to the will of supernatural forces. In a religious context, nudity is often seen as a symbol of purity and rejection of all worldly things. In Christianity, some saints (for example, Mary of Egypt) are constantly depicted naked, which is regarded as a sign of repentance and renunciation. In Buddhism and Jainism nudity can symbolize a lack of attachment. Nudity contains a huge number of culturally determined meanings, which are extremely difficult to list exhaustively: beauty, sin, vulnerability, sexuality, protest, innocence, naturalness, illness and much more. The meaning of the naked body changes dramatically depending on the social context in which it appears to the viewer. An open body can become a sign of a political challenge, a struggle against censorship, oppression and be used as a shock practice to draw attention to the problem.

Keywords: nudity, physicality, religion, church, believers, asceticism, gender, holy fools, prayer.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

В зависимости от социального контекста обнажение может рассматриваться как форма крайнего унижения, протеста против действующих норм или просто как действенный способ привлечения внимания к тому или иному явлению. Но существуют культуры, для которых преобладающим и наиболее значимым аспектом становится аскетическая сторона наготы, что создало возможность для присутствия обнаженных тел в сакральной сфере. Наиболее древние, но крайне фрагментарные представления подобного рода выявлены в вавилонском религиозном обиходе. Как полагают современные

исследователи, рациональной причиной обычая обнажаться перед божеством «было, возможно, желание избавиться в святыне от вшивости, рассматривавшейся как вид ритуальной нечистоты» [18, с. 333]. В течение III тыс. до н.э. нагим и тщательно обритым с ног до головы представал шумерский жрец перед богом или богиней [18, с. 41]. Иногда обнажение обозначало крайнюю степень почтения перед священным предметом или зримым воплощением божества. В древности классической страной, где получил распространение культ животных, был Египет. Его грандиозные храмы посвящены таким почитаемым существам как кошка, обезьяна, бык, козел, баран, шакал, крокодил и т.д. В великолепных постройках обнаруживаются роскошные клетки. Возле них совершались пышные жертвоприношения с соответствующими молитвами. Женщины в знак почтения смиленно обнажались перед ними [56, с. 389]. Традиция оказалась устойчивой. «Новое время унаследовало от Античности представление о том, что тело – единственно истинный и верный природе образец» [22, с. 70].

Аналогичные наблюдения можно сделать при кратком знакомстве с индийским религиозным обиходом. В состоянии священного «пророческого» исступления древнееврейские пророки обнажались, совершая «непристойные телодвижения» [40, с. 217]. Верующие в индийского бога Шиву «желали, чтобы посвященные ему танцы исполнялись без одежды» [62, с. 32], поскольку в индуизме одежда рассматривается как знак социального статуса. Ее отсутствие означало полную свободу от законов общества и мира иллюзий. По сведениям из новогреческой «народной книги» об Александре Македонском, индийские мудрецы гимнософисты, «имя же им Блаженные от Бога», нагие и покрытые только собственными волосами, обитают «близ ангелов» рядом с раем, где когда-то жил сам Адам [10, с. 32]. Легендарные повествования имеют под собой реальную почву. Александр Великий мог убедиться в том, что наставник брахманов Дандамий легко предсказывает хорошую погоду, дождь. Мудрец способен также объяснить причины всех событий, происходящих вокруг: «откуда и чего ради бывает». Причина его сверхъестественного дара, как

полагали современники событий, заключается в том, что он благодаря безгрешной обнаженности, «нестяжанию и беспечальности вернул себе первозданное человеческое состояние» [55, с. 218].

В свое время индийские праведники произвели чрезвычайно сильное и неоднозначное впечатление на войско Александра Македонского. «В часовом расстоянии от столицы войско с изумлением впервые увидало индийских кающихся». Они «исполняли священное дело своих обетов, стоя обнаженными, одиноко и неподвижно под жгучими лучами полуденного солнца и непогодами дождливого времени» [16, с. 315]. Сохранилось свидетельство о беседе одного из индийских мудрецов с греческим философом. Индус «принял его сурово и надменно», перед началом встречи «велел ему снять хитон и вести беседу нагим». В противном случае «дескать, он не станет с ним говорить, будь Онесикрит посланцем даже самого Зевса» [37, с. 442]. Впоследствии просвещенные римляне в III в. с интересом открыли для себя загадочных брахманов. Выяснялось, что индийские мудрецы принимали к себе в послушники только самых чистых помыслами. Адепты их вероучения постоянно жили в воздержании от телесных удовольствий, в крайней нужде. Они всегда оставались голыми, утверждая, что Бог им «дал тело в качестве одежды для души» [42, с. 275–276].

Своего рода продолжателями дела гимнософистов стали члены секты агхори, принадлежащие к индуистскому аскетическому монашескому ордену. Его члены всегда ходили обнаженными или в накидках, недавно снятых с мертвых. С собой они носили миски, изготовленные из человеческих черепов. Нередко они ели мертвечину и участвовали в человеческих жертвоприношениях. Их типичные религиозные практики включали секс с проститутками, предпочтительно во время менструации [17, с. 133]. Жестокая сторона секты Шакти – человеческие и животные жертвы – теперь или исчезла, или сохранилась в тайниках народных переживаний. Но чувственная сторона культа продолжает держаться в религиозном обиходе. Культ состоит в признании значимости для полноценной жизни так называемой панча-таттва,

т.е. сочетания пяти элементов или предметов, названия которых по-санскритски начинается с буквы «т». К их числу относятся вино, мясо, рыба, высушенное зерно и половое сношение. Необходимой принадлежностью культа являются излишество в употреблении спиртных напитков и животной пищи, переходящее в настоящие оргии-пиршества. Они сопровождаются поклонением Шакти в виде обнаженной женщины и заканчиваются «свальным грехом» всех посвященных. По правилам посвященный должен принимать участие в перечисленных таинствах с благочестивыми чувствами и мыслями, направленными к исключительно к молитве. «Прибегать к ним для удовлетворения чувственности значило бы профанировать их» [46, с. 49].

В повседневной жизни индийского аскетического движения адживика полное и постоянное обнажение стало одним из обязательных поступков. Аdeptы этого древнего учения «добывали себе пропитание нищенством и придерживались весьма строгой диеты». Жесткие ограничения в питании имели фатальные последствия. Многие из них «окончили свои дни, истощив себя до смерти» [58, с. 178]. Посетивший Индию древнегреческий путешественник и дипломат Мегасfen утверждал, что местные «философы» руководили религиозными обрядами. По сути, они выполняли важнейшую роль в посредничестве между людьми и сверхъестественными существами: «без их участия боги не примут жертву». Из его рассказа абсолютно ясно, что речь идет о варне брахманов. Личности, которых греки, используя привычную терминологию называли «философами», постоянно ходили обнаженными. Их каждый день облик и поведение «заставляет нас видеть в них аскетов, удалившихся от мира» [11, с. 294]. Степень обнаженности тела – наиболее зримый, значимый и простой «показатель» аскетизма. Исходя из него, адживики относят человека к тому или иному разряду престижности. Низкий статус буддистов в их глазах возник неспроста: связан именно с тем, что они, неизменно отличаясь целомудрием, всегда носили одежду [55, с. 243]. «Вайкханасасмarta-сутра» приводит длинный список имен индийских аскетов и отшельников. Одни из них отличались от окружающих своими длинными

волосами, «рваной одеждой или одеянием из коры». Другие всегда ходили голыми, питаясь сакральной для индуев коровьей мочой и навозом. Наиболее известным аскетом стал Махавира. Ему удалось создать небольшую общину приверженцев своего учения. Утверждают, что он «постоянно ходил обнаженным, тем самым выказывая свой непреклонный аскетизм» и подавая пример adeptам разработанного им радикального вероучения [53, с. 267].

Другие религиозные течения Индии проповедовали наготу форм отказа от мирских благ. Среди многочисленных индийских аскетов особое место занимают парамахамсы. Они отличались спартанским образом жизни, путешествуя обнаженными и часто посещая места погребения [53, с. 151]. Вероятно, они являются наследниками необычайно древней, автохтонной, антибрахманической традиции. Она как бы предвосхищает более поздние и широко известные в мире його-тантрические школы. Повседневным кровом для них служат деревья, живут они на кладбищах и в покинутых домах. Иногда они неохотно одеваются, но нередко ходят обнаженными. С их точки зрения «не существует ни добра, ни зла, ни святого, ни греховного или какого-либо другого дуализма» [59, с. 134-135]. Монахи не обременяли себя никакой собственностью. У шветамбаров есть лишь пара кусков ткани, чтобы обернуть тело. Дигамбарам и того не нужно: они ходят обнаженными. Кроме книг и письменных принадлежностей монахи носят с собой флягу, посох да небольшую метелочку, чтобы расчищать перед собой дорогу. Их повседневные бытовые нужды обычно удовлетворяют миряне [1, с. 96].

Индийские шраманы практиковали самые разнообразные и часто показные способы суровых самоограничений. Одна из сект (дигамбары, т.е. «одетые в пространство») приняла идею неприкосновенности настолько, что ее последователи перестали носить одежду и превратились в обнаженных нищих [23, с. 58]. Они исповедовали пять правил, которые впоследствии станут пятью Великими Зароками (махавратами) джайнского монаха: не убивать, не произносить лживых слов, не воровать, не иметь сексуальных сношений и не собирать ценности бренного мира [60, с. 114]. В Индии полное обнажение

стало настойчивым требованием со стороны создателей и идеологов влиятельного религиозного вероучения и элементом повседневной практики его адептов. Во время собора, проходившего в 79 г., джайнизм разделился на два влиятельных направления: «дигамбара» (обнаженные или буквально «одетые пространством») и «шветамбара» (одетые в белое). Загадочные люди, «одетые пространством», стали радикальными сторонниками постоянной абсолютной наготы. Шокирующая особенность их поведения длительное время подвергала их суровым и разнообразным испытаниям, обрекая на постоянные преследования со стороны общества и государства [3, с. 228]. Но постепенно гонения сменились толерантным отношением. «Общественная терпимость к таким людям проявлялась в том, что их отнюдь не обязательно считали сумасшедшими». В них скорее видели искателей «реальности иного порядка» [24, с. 170]. Один из российских путешественников, посетивших Индию, поделился своими впечатлениями: «Мертвые безмолвные окрестности потрясаются пронзительным и долгим звуком». Потом раздаются удары «во что-то медное», слышится отдаленный звон колокольчиков. В сиянии фосфорического света, перед каким-то жертвенником, «представляется испуганному взору путника обнаженная фигура существа, имеющего лишь подобие человека». Этот призрак человека – «жалкий, иссохший, почти обратившийся в мумию индус, один из поклонников огня, веры браминской» [25, с. 95].

Из глубокой древности движение джайнов пришло в наши дни, бережно сохранив свои принципы и наиболее значимые особенности поведения адептов. В значительной мере стабильность движения обусловлена высокой степенью толерантности местной администрации. Власти многорелигиозной и многонациональной Индии, уважая религиозные чувства джайнов, не препятствуют распространенному среди них своеобразному сакральному натуризму. В наши дни полисмен, увидев прилегшего на отдых обнаженного джайна, может подойти к нему лишь с одной целью – охраны его покоя [15, с. 133]. Джайны отмечают общеиндийский праздник дивали в октябре-ноябре.

Поводом для торжества стало полное освобождение Махавиры в конце его земной жизни. Особенно пышно приверженцы джайнизма отметили 2500-летие со времени этого великого события в 1974 г. Праздник организовал специально созданный Консультативный совет. Пышные торжества завершились многолюдной процессией. По улицам Дели шествовали, ничуть не мешая друг другу, полностью обнаженные и одетые в белое монахи и миряне. Их сопровождали пышно убранные слоны, верблюды и лошади с богато разодетыми всадниками, музыканты, знаменосцы на мотороллерах [1, с. 96].

Существенно большее значение аскетизму придавали христианские праведники. В раннехристианских церквях обряд крещения длительное время совершали через погружение в воду полностью обнажёнными, что означало смерть для греха и новое рождение. Позже такую практику изменили из-за вполне предсказуемых уступок скромности. Однако некоторые радикальные христианские секты (например, адамиты) вопреки сложившимся нормам проповедовали возвращение к невинности Адама и Евы. В Ветхом Завете физическое обнажение иногда загадочным образом связано с внезапным обретением дара предсказания будущего: «На Саула сошел Дух Божий и он пророчествовал». Затем наступил черед обнажения, без которого контакт со сверхъестественным миром мог и не состояться: «И снял он одежды свои, и пророчествовал перед Самуилом, и весь день и всю ночь лежал не одетый» (1 Цар. 19: 24). Иногда в Библии внезапное и необъяснимое для непосвященных обнажение праведника связывают с повелением Бога: «Господь сказал Исаии: "пойди и сними вретище с чресл твоих, и сбрось сандалии с ног твоих". Он так и сделал, ходил нагой и босой» (Ис. 20: 2). Эмоциональные слова из Священного Писания вдохновляли иконописцев, а вслед за ними и светских художников на создание многочисленных образов обнаженного тела Спасителя. В длительном процессе развития церковного искусства постепенно сложились нормы и правила представления Священного Образа Христа. Нагим принято изображать Его во время страстей Господних: мучений и пыток в римском застенке, предшествующих распятию. Иногда нагими пишут святых.

Прежде всего, тех из них, кто в первые века становления христианства подвергался гонениям и истязаниям. Но в особенности часто без одежды изображают юродивых. В последнем случае абсолютная обнаженность тел блаженных – явственный знак «полной отданности Богу» [63, с. 25].

Современные исследователи подчеркивают символическую связь христианских аскетов с прародителями человечества, первыми людьми, жившими на Земле. Наготу пустынников следует «понимать не просто как бытовую деталь (одежда истлела) или вид аскезы (умерщвление плоти зноем, ночным холодом, непогодой)». В первую очередь их обнаженность следует рассматривать как «своего рода возвращение к первоначальному безгрешному состоянию Адама и Евы» [44, с. 142-149].

Российские источники содержат фрагменты сходного содержания, но подробная регламентация сексуальных отношений в них отсутствует. Житие святого Феодосия Печерского повествует об обнажении тела, тесно связанном с самыми крайними проявлениями аскетизма. Феодосий считал, что как игумен он обязан не просто соблюдать строжайшим образом действующие правила устава, но сохранять благочестие более других, сверх всякой известной в его времена установленной для инока меры. Феодосий постоянно соблюдал аскетический зарок неомовения (только иногда мыл руки), нележания (изредка дремал сидя, но вообще спал очень мало). Ночи он проводил в постоянных молитвах. В Великий пост святой уходил в пещеру и жил в полном уединении. По ночам он покидал свое пристанище и «обнажал тело для комаров и оводов, которых было там видимо-невидимо» [39, с. 259].

Упоминания о женском обнажении встречаются в источниках существенно реже. Современные исследователи с полным основанием полагают, что в западном христианстве «женская нагота стала табуированной стопроцентно, практически без исключений» [7, с. 21]. Для девушек, ведущих христианский аскетический образ жизни в миру, епископ Палладий Еленопольский предписывал соблюдение следующих чрезвычайно строгих норм целомудрия: «Никогда не раздевайся догола; ночью и днем пусть одеяние

покрывает плоть твою». Если же все-таки по каким-то веским и чрезвычайным причинам пришлось обнажиться, то «и ты сама, раздеваясь, не рассматривай тела твоего» [цит. по: 7, с. 24]. Исключением стало житие сирийской юродивой Онисимы: «Будучи совсем голою <...> она дошла до того места, куда вывозили из города всякие нечистоты. Здесь она собрала старые тряпки, прикрыла наготу свою и сказала: "Не останусь в таком месте, где могут знать меня. Лучше «притворюсь глупою и сумасшедшею, чтобы оскорбляли меня люди, потерплю поношения и побои и всё это сделаю добровольно"» [цит. по: 20, с. 65]. Появление юродивых на городских улицах радикально изменило ситуацию. В житии Серапиона Синдонита говорится о его посещении затворницы, которая считала себя умершней для мира. Во время благочестивой беседы он обратился к ней со следующими словами: «Если ты хочешь меня уверить, что умерла и не живешь со стремлением нравиться людям, то сними с себя всё платье, как вот я, положи его на плечо и ступай по городу». Я пойду «впереди тебя в таком же виде». Но смиренная собеседница ответила ему решительным и вполне обоснованным отказом. Она с полным основанием полагала, что такого рода обнаженная процессия способна крайне негативно отразиться на общественной нравственности: «Я многих соблазню непристойностью этого поступка». Местные жители, поневоле созерцающие на улице столь странное и эпатирующее зрелище, «получат основания сказать: "она сошла с ума и беснуется"» [20, с. 75].

В средневековом христианстве нагота связана с крайней формой самоотречения – юродством Христа ради. Нередко бывало, что, задумав юродствовать, человек раздевается догола. Таким стал первый шаг известного юродивого Андрея Цареградского: он взял нож и разрезал на куски всю свою одежду, лишив себя возможности прикрывать тело. Точно так же поступил исихаст Савва Новый, который начал юродствовать на Кипре. Удалившись от спутников, «совлекшись всех одежд телесных», он явился на остров, произнося известные слова Иова: «Наг вышел я из чрева матери моей, наг и возвращусь туда». Впоследствии он начал обходить местные города и села, всегда шествуя

«босой и совершенно обнаженный <...>, никому не известный и не знакомый» [54, с. 37].

В эпоху раннего средневековья жители Европы принимали обнаженного проповедника аскетических идеалов и его голых вестников за святых. В 590 г. эпидемия чумы и голод в очередной раз опустошили Галлию. Крестьянин из Берри, сошедший с ума от тяжкого труда при рубке дров в лесу, стал странствующим аскетом, а затем – лидером народного движения и предсказателем. Одетый в звериную шкуру, сопровождаемый женщиной, называемой им Марией, он дерзко именовал себя Христом, пророчествовал, лечил своими молитвами больных. За ним следовала толпа радикально настроенных крестьян, бедняков и даже несколько священников. Его деятельность вскоре приняла революционный характер и нашла массовую поддержку среди бедноты: за ним пошли тысячи приверженцев. По пути он грабил богатых, раздавая их имущество неимущим. О своем прибытии он сообщал через особых гонцов. Они при собрании встревоженного народа плясали обнаженными. Современники легко могли узнать в них воплощенных персонажей крестьянского фольклора или воскресших последователей адамитской ереси [4, с. 229; 29, с. 83]. Одна из сходных историй, датированная 1282 г., рассказывает о священнике Иоанне из города Инверкейтинга. Иоанн, как полагают, возродил римские языческие обряды, посвященные похотливому богу Приапу. Прославился этот священник и тем, что заставлял кающихся обнажаться и хлестать друг друга плетьми. В конце концов, один прихожанин, разгневанный неиссякаемыми бесчинствами пастыря, жестоко расправился с ним [41, с. 216].

Средневековые флагелланты пополняли свои ряды не только мужчинами, но в первую очередь женщинами, жаждущими покаяния. Их присутствие могло существенно усиливать сексуальный характер шествия обнаженных или полуобнаженных людей. Со временем эти процесии, первоначально обусловленные покаянием в грехах, приобрели среди современников «дурную славу, связанную с проституцией и сводничеством» [5, с. 275]. В начале XV в.

всю Францию охватило помешательство во всевозможных видах его: мегаломания, мания преследования, демономания, галлюцинации, религиозный экстаз. Настолько овладел ими страх божий, что знатные и простые, старцы и юноши, обнаженные, прикрывшись только ради пристойности, откинув смущение, парами ходили в процессиях по улицам городов. Каждый из них держал в руке ременный бич. Они со стоном и плачем жестоко били себя по плечам до пролития крови [27, с. 228]. В средневековой Европе «даже мирному монаху-проповеднику, ставившему себе целью только лишь увещание словом и убеждением, а также примером личной святой жизни, – даже ему приходилось участвовать в позорных церемониях и сопровождать обнаженного кающегося с пучком розог в руке, нанося ему удары по телу» [35, с. 255–256].

В 1421 г. Иоанн Жижка жестоко разгромил в Богемии общину адамитов. Очевидная причина репрессий заключалась в их специфичном поведении. Адамиты считали, что постоянная нагота необходима верующим для духовного очищения. Только ее посредством, сбросив одежду, человек сможет вернуться в благочестивое состояние первородной невинности [41, с. 290]. Считая, что Бог восстановил их в состоянии первозданного Адама, они постоянно участвовали в собраниях обнаженными [61, с. 195]. Проповедуя полную свободу любви, адамиты регулярно вступали друг с другом в беспорядочные половые сношения. Так они повторяли идеи своих далеких полузабытых предшественников – адамитов II в. В итоге в сознании более-менее образованных современников событий адамиты объединились в «редкую по распущенности секту». Они именовали «свою церковь раem» и проводили службы «в состоянии полной обнаженности». Будучи гностиками, они настаивали на полной отстраненности от всех моральных законов [43, с. 68]. Как сообщает хроника таборитов, написанная современником событий Лаврентием из Бржезовой, «в основу их закона был положен распутный образ жизни». Аргументом в пользу разврата служило превратное толкование Священного Писания: «они утверждали, что в писании сказано: распутники и блудницы, скорее всего, попадут в Царство Небесное. Поэтому они не хотели

принимать в свой закон никого, кто бы ни был распутником или блудницей» [28, с. 256].

Сообразно с этим своим законом они жили следующим образом: все, мужчины и женщины, раздевались догола и плясали вокруг огня. Во время танца они пели песни о десяти заповедях божьих. Потом останавливались у огня и смотрели друг на друга. Если у какого-нибудь мужчины был какой-нибудь передник, то женщины срывали его и говорили: «Наполни меня твоим духом и прими мой дух». Затем каждый мужчина с какой-нибудь из женщин и каждая женщина с каким-либо из мужчин стремились скорее предаться греху. Потом они вместе купались в реке, «никто никогда не стыдился, ибо все они спали в одной избе» [28, с. 256]. По слухам, они объявили любой брак вне закона. Основанием стало утверждение о том, что самая совершенная невинность согласуется лишь с общностью жен. Наиболее подходящим местом для своих тайных встреч они избрали пещеры, где оба пола собирались вместе в совершенной наготе [34, с. 191]. В 1684 г. появился анонимный памфlet «Адамит, или Бесчувственный иезуит». В нем рассказывается о некоем проповеднике, который превратил монастырь в sectu adamitov. Он убедил послушниц и монахинь, что можно легко и быстро обрести райскую первоначальную чистоту, раздевшись донага. Проповедник установил разные степени совершенства, соответствующие степени обнаженности: от обнажения плеч на стадии послушничества до полного обнажения всего тела «без смущения и краски стыда». Остается невыясненным, стал ли памфlet чистым вымыслом или в основе его лежали какие-либо скандальные факты [8, с. 109-110]. Учение адамитов находило последователей в течение длительного времени и сохранялось, несмотря на суровые преследования со стороны властей и вполне предсказуемое недовольство многих современников. Последние богемские адамиты существовали еще сравнительно недавно: в 1849 г. [43, с. 68].

В российской истории известны гораздо менее знаменитые аналоги движения адамитов. В свое время они сурово осуждались создателями

Стоглава: «Да по погостом и по селом ходять лживые пророки, мужики и женки и девки и старые бабы, наги и босы и волосы отростив и распустя». Они «трясутся и убиваются и сказывают, что им являются святыя Пятница и Настасия». Своим сторонникам они велят «заповедати християном каноны и завечати. Они же заповедают в среду и в пяток ручнаго дела не делати, и женам не прясти и платия не мыти и камения не разжигати» [48, с. 138-139]. В кратком описании народного культа Параскевы, столь активно осуждаемого Церковью, неразделимо перемешались язычество и христианство. Его критики соглашались с тем, что и еретики проповедовали христианство, даже если их толкование вероучения и было «богомерзким». Отступники требовали более строгого соблюдения среды и пятницы как дней воздержания, проповедовали, странствуя, в подражание Христу. Скитаясь повсюду обнаженными и босыми, они брали на себя роль юродивых, «глупцов Христа ради». Церковь признавала их особую общественную роль, несмотря на то, что они яростно обличали преступления церковных и государственных властей. Постоянное умерщвление плоти и экстатические пляски стали общими чертами средневековых христианских культов и в восточной, и в западной традициях. В них регулярное самобичевание часто сопровождалось страннической проповедью и публичным обнажением представителей обоих полов [30, с. 31-32].

Как полагали современники, юродивые защищены заботой сверхъестественных сил. Смех неосторожных очевидцев приводит к печальным для них последствиям: Василий Блаженный юродствует «яко Андрей Царьградский», он прощает и исцеляет девиц, которые «посмеяхуся наготы его и аbie ослепоша все» [26, с. 84]. Их облик не только не шокировал верующих, но и придавал духовному подвигу аскетов особое значение. Можно сказать, что со временем «нагота стала идеальным одеянием юродивых» [31, с. 16]. Англичанин Джайлс Флетчер пишет, что в начале XVII в. по улицам Москвы бродил нагой юродивый. Своими публичными проповедями он постепенно настраивал местных жителей против Годуновых [52, с. 207]. Бессвязные речи юродивого способствовали наступившему вскоре кризису власти, а затем и

краху нарождающейся династии. В обобщенной формуле экстремального «юродственного бытия», созданной современными исследователями на основе множества фактов о поведении блаженных, аллегорически отображены «представления о наготе, безумии, немоте, уродстве как негативных характеристиках антимира народной культуры. Отчуждаясь от низменного, travestийного мира, перечисленные понятия наполнялись иными значениями, приобретая символический подтекст. Обнажение юродивого обозначало очищение его от назойливого влияния суетного мира, «безумство – мудрость, немота (косноязычие) – пророческое слово или речение» [12, с. 527]. Обычно и нагота, и буйное поведение в действиях юродивого совмещались, «к наготе добавлялось ношение вериг, несуразных деталей костюма, например, железного колпака или кочерег» [50, с. 109].

В то далекое и блаженное время, когда анахорет, скрываясь от соблазнов мира, «ходил в шкуре или даже нагим». Он не стриг волос и ногтей, «не мылся годами <...> всё это оставалось предметом его собственных, глубоко интимных отношений с Богом» [20, с. 71]. Петр Дамианский, запомнился современникам как аскет, одержимый идеей бичевания. Но, как тогда выражались, ему явно не хватало *discretio*: он «раздевался догола в присутствии братии», что не считалось «приличным» [33, с. 210]. Один из наиболее значимых христианских богословов, Святой Франциск Ассизский, рассматривал обнаженность тела как «главный символ освобождения от структурных и экономических пут». Для него аскетическая нагота означала полную свободу «от ограничений, наложенных на него его земным отцом, зажиточным ассизским купцом» [51, с. 214]. У самого св. Франциска мнимая «простота» проповеди компенсировалась мощным эмоциональным импульсом, исходящим от его речей. Фома Челанский в житии святого Франциска отмечает, что святой «наставлял слушателей, <...> само тело своё обратив в язык проповедующий». Его многочисленные проповеди отличались особой драматичностью и театральностью, а порой и экстравагантностью. В Ассизии «он проповедовал обнаженным и с веревкой на шее» [49, с. 9-10]. В одном трактате конца XIII –

начала XIV вв. анонимный автор утверждает, что святой Франциск, узрев в очередном мистическом видении обнаженного Иисуса на кресте, «возжелал служить Христу до самого конца». Ему сразу захотелось «нагим следовать за нагим» [64, с. 146].

Христианское апокалиптическое пророчество о грядущем воскресении тела натолкнула богословов на мысль о блаженном теле, которому чудесным образом «удастся избежать тления» в грядущем вечном царствии праведников. Такое представление более или менее бессознательно повлияло на широкое бытование и присутствие в массовом сознании, начиная с эпохи Возрождения, концепции «прекрасной натуры» и предсказуемо вызвало рост популярности изображения обнаженного тела [22, с. 71]. Неоднократное прославление наготы могло иметь далеко идущие социальные последствия. Но в христианской культуре обнажение легко поворачивается противоположной стороной: становится зримым символом греховности в земной жизни и предстоящих загробных наказаний. Обнаженными на иконах нередко пишут грешников, осужденных к вечным страданиям. Причина двойственности восприятия наготы в религиозной традиции более чем очевидна. Ведь нагим человек приходит в мир, точно таким же уходит из него. Незащищенным одеяниями предстанет он перед Богом в страшный День Судный. При таком изобилии мистических трактовок наготы крайне сложно выработать приемлемые для индивида и общества модели и стратегии повседневного поведения.

Особая сакральная роль обнаженности неожиданным образом отмечается и в мусульманской религиозной традиции. Участник похода Наполеона Бонапарта в Египет Вийер дю Терраж кратко описывает экстравагантное поведение дервишей на праздновании дня рождения Пророка, отмечая, что здесь им явно «всё дозволено». Отличительными чертами египетских религиозных аскетов, заметил француз, «являются длинные волосы и нагота» [38, с. 157]. Материалы, связанные с одной из первых развитых цивилизаций в истории человечества, повествуют о такого рода фактах вполне определенно. Нередко обрядовую наготу связывают с полным отрещением от мирских дел,

повседневных забот, житейской суеты. В некоторых областях Африки день появления луны отмечался полным и всеобщим запретом работать. Такое же табу очень строго соблюдался у свази «назавтра после того, как государь преображенным возвращался к народу». Обычные дела откладывались, всем «запрещалось прикасаться друг к другу, мыть тело». Громкие песни, постоянно звучавшие в начале празднества, замолкали. Король оставался в окружении самых близких ему людей, внимательно наблюдавших, чтобы он не нарушил ни одного из многочисленных табу. «День он проводил, сидя обнаженным на львиной шкуре» [21, с. 239].

В христианской религиозной философии осмысление проблемы репрезентации тела привело к противоречивым итогам. Иисус всё меньше оставался тем, кем был в первые века христианства, воскресшим Богочеловеком, великим победителем смерти. Он стал Богочеловеком, давшим человеку пример бедности, которую явственно символизировала нагота. Из всех движений, которые после тысячного года пытались возродить раннее христианство, добиться возврата к апостолам, «все больше силы набирало то, которое побуждало к радикально аскетической реформе», к возрождению духовности путем возврата к истокам, к тому, чтобы «следовать нагими за нагим Христом» [29, с. 101]. Средневековый нагой отшельник, «одетый собственными волосами или прикрывающий наготу листьями – общее место многих агиографических писаний» [44, с. 143]. В более близкие нам времена такого рода идеалы, продолжали существовать, обретая новые черты. Выдающийся богослов Русской Церкви XIX в. святитель Филарет, митрополит Московский (Дроздов) предписывал христианину аскетический идеал, связанный с наготой по образцу Того, кто «в чистейшей наготе пролил за тебя очистительную кровь свою» [47, с. 175].

Предметом особого внимания и непростых размышлений религиоведов стало таинство крещения. В христианском богословии оно рассматривается как второе рождение. Идея о втором, духовном, рождении появилась до христианства. Соответственно, обнажение при обряде инициации также имеет

глубокие корни: его истоки связывают с позднеантичным культом Митры, в котором посвящаемый представлялся религиозной общине как новорожденный [6, с. 176]. Общеизвестно, что нагота при крещении имеет одновременно и ритуальное и метафизическое значение. Во время крещения «человек подобно Христу сбрасывает с себя старые одежды порчи, греха». Он навсегда прощается с теми одеждами, «в которые облачился Адам после грехопадения» [57, с. 85-86]. В практике всех церквей в воды крещальной купели катехумены входили обнаженными. Снятие одежд проходило либо перед чином отречения от сатаны, либо перед предкрещальным помазанием. Один из вариантов осмыслиния снятия одежд перед погружением в купель, приводимый святителем Иоанном Златоустом, таков: «Итак, почему же нагого (низводит тебя иерей)? Он напоминает тебе о прежней наготе, когда ты был в раю и не стыдился». Ведь именно грех открыл Адаму и Еве их наготу и заставил прикрыть ее одеждой. Согласно другому толкованию, просвещаемые снимали одежды, «совлекая с себя ветхого человека, и оставались совершенно наги, подражая наготе распятого Христа, чтобы вместе с Ним восторжествовать над силами зла» [32, с. 35].

Святитель Кирилл Иерусалимский в «Тайноводственных поучениях», произнесенных в 347-348 гг., красноречиво говорит о том, что происходило во время таинства крещения: «Итак, не медля по входе вашем вы сложили с себя ризу <...> По сложении ризы вы были наги, подражая и в оном Христу, на Кресте обнаженному, через оное обнажение совлекшему Начала и Власти <...> О, дивная вещь! Вы были наги перед очами всех и не стыдились. Подлинно вы носили образ первозданного Адама, который был наг в раю и не стыдился. Потом, совлекшись, вы были помазаны елеем заклинательным, от верха главы даже до ног, и соделались общниками доброй маслины, Иисуса Христа <...> После сего вы были ведомы ко Святой купели Божественного Крещения <...> И вы исповедали спасительное исповедание, и погружались троекратно в воду, и паки из воды появлялись» [цит. по: 7, с. 23]. Под давлением общества, настроенного всё более аскетично, обычай целиком окунать обнаженного

новорожденного в крестильную купель практически исчез из церковного обихода в XII в. [36, с. 38]. Давно замечено, что в актуальной действительности привычное прежде обнажение во время таинства стало невозможным: ведь каждый «носит на теле стыд преступления» [9, с. 408].

Но «первоначальный обряд отражал символику воды. Оглашенный, полностью обнажившись, погружался по пояс в воду купели. Женщины распускали волосы, обычно длинные, если крестившаяся не была рабыней. При совершении таинства не полагалось иметь на себе каких-либо украшений [2, с. 249]. «Единственный шаг навстречу женской стыдливости состоял в том, что в баптистериях существовали женские "отделения" или крещение совершалось поочередно над группой мужчин или женщин, не смешивая их». Однако таинство всегда совершал священник-мужчина [45, с. 29]. На другом полюсе осуществления конфессиональных практик находится раскрепощенное поведение амстердамских анабаптистов, заметно более близких нам по времени. После обряда крещения они дружно бегали обнаженными по городским улицам [13, с. 150]. Нагота присутствует и в обрядах конфессий, враждебно настроенных по отношению к христианству. Черная месса, классический ритуал традиционного сатанизма, является пародией на католическое богослужение. Алтарем для «священнодействия» служила обнаженная женщина [14, с. 647].

Подводя итоги, отметим, что тема взаимосвязи обнажения и аскетизма имеет глубокие исторические, религиозные и культурные корни. Возможно, наиболее архаичным проявлением отказа от мирских благ является ритуальная нагота. В древних культурах (например, у греков в мистериях) обнажение становилось частью религиозных обрядов. Обнажение в аскетизме – не эротический жест, а символический акт быстрого и радикального освобождения от иллюзий. Однако его смысл сильно зависит от культурного кода. В разных традициях он может включать минимализм в одежде – ношение простых, грубых тканей или отказ от одежды (как у джайнов-дигамбаров или некоторых индуистских садху). Из всего сказанного вытекает, что значение обнаженного

тела всегда конструируется культурой, социальным контекстом и властными отношениями. Отношение к обнаженному телу в полной мере характеризует ценности, табу, страхи и специфику структур власти. Одним словом, обаяние наготы связано как с традиционным обиходом, в котором она прочно прижилась, опираясь на многовековые нормы, широко распространенные по обитаемому пространству, так и с нигилистическими проявлениями в повседневной жизни разных эпох.

Некоторые исследователи и многие обыватели полагают, что полное обнажение человеческого тела всегда неразрывно связано с предельной открытостью, откровенностью, полной свободой от лжи и фальши. Акт обнажения тайных, обычно скрываемых частей тела есть одновременно акт смирения [19, с. 301]. Нагота в религиозных обрядах имеет разное значение в зависимости от культуры и вероисповедания. Культовая нагота являлась требованием древнего обряда инициации, который обычно означал второе рождение. В мистических культурах, посвященных древнегреческим богам, важным моментом было то, что их участники полностью обнажались. В некоторых традициях она символизирует чистоту, смирение или связь с природой, в других – считается неприемлемой. Примеры использования наготы присутствуют в религиозных практиках языческих и древних культов. В античных мистериях участники иногда осуществляли обряды обнажёнными, что символизировало освобождение от социальных условностей. Таким простым способом участники ритуалов подчёркивают единство человека с природой. Индуисты-аскеты (садху) могут практиковать наготу (джата-дхарма) как знак отречения от материального мира.

Список литературы:

1. Альбедиль М.Ф. Индуизм. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 256 с.
2. Аман А.Г. Повседневная жизнь первых христиан. М.: Молодая гвардия, 2003. 322 с.

3. Анго М. Классическая Индия. М.: Вече, 2007. 400 с.
4. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб.: Алетейя, 2004. 398 с.
5. Бальхаус А. Любовь и секс в Средние века. М.: Книжный Клуб 36.6, 2012. 336 с.
6. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
7. Болгов Н. От гетеры до игумены. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела. М.: Ломоносовъ. 2020. 208 с.
8. Болонь Ж.-К. История безбрачия и холостяков. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 480 с.
9. Вениамин (Краснопевков-Румовский), архиеп. Новая скрижаль. Полное объяснение всех церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода: в 4 ч. СПб.: Книгоизд-во П.П. Сойкина, 1909. 562 с.
10. Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 1: Греко-византийский период. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1886. 607 с.
11. Вигасин А.А. Древняя Индия: от источника к истории. М.: Восточная литература, 2007. 392 с.
12. Власов А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 640 с.
13. Гергилов Р.Е. Восприятие наготы в массовом сознании // Человек. 2015. № 6. С. 49-60.
14. Грир Д.М. Скрытые истории тайных обществ. Новейшая энциклопедия. М.: РИПОЛ-классик, 2010. 752 с.
15. Дерягин Г.Б., Эриашвили Н.Д., Антонян Ю.М., Лебедев С.Я. Криминальная сексология. М.: Юнити-Дана. Закон и право. 2011. 399 с.
16. Драйзен И.Г. История эллинизма. История Александра Великого. М.: Академический проект; Киров: Константа, 2011. 623 с.
17. Дуглас Д. Смерть, ритуал и вера. Риторика погребальных обрядов. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 480 с.

18. Дьяконов И.М. Люди города Ура. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 429 с.
19. Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 296-322.
20. Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
21. Иорданский В.Б. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 319 с.
22. История тела: в 3-х т. Т. 2: От Великой Французской революции до Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 384 с.
23. История человечества. Т. 3: VII в. до н.э. – VII в. н.э. М.: ООО «Издательский Дом Магистр-Пресс», 2003. 733 с.
24. Клири Т., Азиз С. Богиня сумерек. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. 280 с.
25. Константинов О. Бакинские огни // Русский художественный листок. 1861. № 24. С. 95-96.
26. Кузнецов И.И. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы. М.: Тип. Л.В. Пожидаевой, 1910. 4, 494, IV, 4 с.
27. Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. 9-е изд. Т. 1-2. Челябинск: Социум, 2004. 1030 с.
28. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 330 с.
29. Ле Гофф Ж. Средневековые и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: Евразия, 2010. 224 с.
30. Левин И. Двоеверие и народная религия в истории. М.: Индрик, 2004. 216 с.
31. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.

32. Максимова О.Е. Литургические действия в процессе воцерковления катехуменов в III-VI веках // Вестник Свято-Филаретовского института. 2016. № 19. С. 26-48.
33. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X-XV века. М.: Молодая гвардия, 2002. 346 с.
34. Найт Р., Райт Т. Сексуальная символика. Легенды и тайны. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2010. 253 с.
35. Нелли Р. Катары. Святые еретики. М.: Вече, 2005. 400 с.
36. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. М.: Молодая гвардия, 2001. 239 с.
37. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук, 1963. 548 с.
38. Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 183 с.
39. Путилов Б.Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. СПб.: Азбука, 2000. 368 с.
40. Ранович А. Очерк истории древнееврейской религии. М.: Государственное антирелигиозное изд-во, 1987. 400 с.
41. Рассел Дж.Б. Колдовство и ведьмы в Средние века. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. 480 с.
42. Робер Ж.-Н. Рождение роскоши: Древний Рим в погоне за модой. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 400 с.
43. Саммерс М. История колдовства. М.: Олма-Пресс, 2002. 625 с.
44. Смагина Е.Б. Нагота отшельников в письменных источниках и ее символическое значение // Восток. 2018. № 6. С. 142-149.
45. Смирницких Т.В. Тело как феномен в контексте частной жизни ранневизантийской женщины // *Via in tempore. История. Политология*. 2008. № 5. Т. 7. С. 26-30.
46. Снесарев А.И. Этнографическая Индия. М.: Наука, 1981. 276 с.

47. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Т. 1.: 1803-1821. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1873. 232 с.
48. Стоглав. СПб.: Изд-во Д.Е. Кожанчикова, 1863. 312 с.
49. Топорова А.В. Религиозная жизнь средневековой Италии в зеркале литературы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 192 с.
50. Туминская О.А. «Юродивый Христа ради»: термин и образ // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2010. Т. 2. № 4. С. 106-112.
51. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
52. Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
53. Фёрштайн Г. Энциклопедия йоги. М.: Фаир-Пресс, 2002. 768 с.
54. Филофей. Житие и деяния преподобного и богоносного отца нашего Саввы Нового, на Афонской горе подвизавшегося. М.: Типо-лит. И. Ефимова, преемн. И.С. Ефимов, 1915. 128 с.
55. Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.). Источниковедческие проблемы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. 334 с.
56. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Института народов Севера, 1936. 570 с.
57. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
58. Элиаде М. Йога. Свобода и бессмертие. Киев: София, 2000. 400 с.
59. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 3: От Магомета до Реформации. М.: Критерион, 2002. 352 с.
60. Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. М.: Академический Проект, 2014. 384 с.
61. Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. 1520 с.

62. Якоби М. Стыд и истоки самоуважения. М.: Институт аналитической психологии, 2001. 250 с.
63. Языкова И.К. Богословие иконы. М.: Изд-во Общедоступного Православного Университета, 1994. 348 с.
64. Янсен К.Л. Мария Магдалина. М.: Вече, 2007. 512 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.